

Макбет с понятиями «ПЕРСОНАЖ БЕЗ РОЛИ» ЕВГЕНИЯ ЧИЖОВА

Анна Наринская

ЕСТЬ мнение, что новая книга Чижова похожа на «романы», которые когда-то в тюремных камерах и лагерных бараках уголовники заставляли «толкать» интеллигентных политических, и в этом есть своя правда. Там ведь что требовалось

— увлекательный сюжет с приключениями, убийствами и любовью плюс остановки на любимые представителями преступного мира мировоззренческие отступления вроде «я знаю, жизнь — не плитка шоколада».

В жизни главного героя «Персонажа без роли» как раз и случаются события самые захватывающие, вполне подходящие для рассказа такого рода: роковая страсть с первого взгляда, столкновение с криминальным миром, участие в настоящем преступлении — «ее я повстречал, из-за нее я вором стал». При этом любовно наблюдающий за героем автор предоставляет читателю довольно подробные отчеты о его сомнениях и душевных муках, о его мыслях об устройстве собственной души и жизни вообще, но затем честно переключается на описание типов блатного мирка московской окраины или подробный пересказ жесткого допроса в милиции.

«Персонаж без роли» — второй роман Евгения Чижова. Первый он выпустил давно — лет семь или восемь тому назад. Назывался он довольно высокопарно «Темное прошлое человека будущего», но обладал тем же качеством, которое радует в «Персонаже без роли», — в нем имелся работающий живой баланс между сюжетом и идеологией, между рассказом о событиях и философствованиями по их поводу. Почвой для таких философствований в «Персонаже без роли» становится шекспировский «Макбет». Этой пьесой одержим режиссер любительского театра по фамилии Завражный, с которым главного героя романа, получившего за художественную и высокий рост кличку Струна, сводят обстоятельства его новой уголовной жизни. Анализ шекспировской пьесы, который Завражный предлагает в нескольких страстных монологах, раскрывает внутренний сюжет повествования, дает объяснение — кому-то может даже показаться излишне дидактическое — того, что происходит в романе «на самом деле».

«Это драма рока! — провозглашает режиссер. — Макбет поступает по своей воле, но движимый силой, намного превышающей его человеческую силу». Подобно шекспировскому персонажу, теперешний персонаж Струна тоже живет «движимый силой», но, несмотря на декларируемую в романе вечную актуальность «Макбета», с ним все проще, чем с шотландским таном, современнее что ли. Куда больше, чем на убийцу Дункана и Банко, похож он — если уж братья за литературные параллели — на героя «Постороннего» Камю. В это Евгений Чижов тоже играет. «Я бы хотел такую пьесу увидеть, — говорит Струна режиссеру, — где был бы персонаж без роли, который бы не знал, что ему делать и для чего он на сцене очутился. Все события, кото-

Е. СОМИНСКОЯ

И «МАКБЕТ», И «ПОСТОРОННИЙ» ПРИСУТСТВУЮТ В ЭТОМ РОМАНЕ ТОЧНО ТАК ЖЕ, КАК МОГЛИ БЫ ОНИ ПРИСУТСТВОВАТЬ В РАЗГОВОРЕ ЛЮБЯЩИХ ЛИТЕРАТУРУ ЛЮДЕЙ О ЖИЗНИ. И ЭТО ОЧЕНЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНАЯ ИНТОНАЦИЯ

рые вокруг него происходили б, его особо не касались, в них бы он роли не играл». Но таких персонажей, как мы знаем из классики, не существует. Струна, как и его прототипы, роль, конечно же, играет, причем роль вполне уголовную, но эта роль «как бы чужая, потому что любое место, кроме места наблюдающего со стороны, всегда казалось ему чужим, доставшимся по ошибке».

И «Макбет», и «Посторонний» освоены уже бесчисленное количество раз, но Чижов не предлагает ни постмодернистского, ни любого другого умничанья и, разумеется, не занимается масслитературным осовремениванием классических сюжетов. И Макбет, и Камю присутствуют в его романе точно так же, как могли бы они присутствовать в разговоре любящих литературу людей о жизни. Ведь там вполне могли бы прозвучать фразы «Это почти как у Шекспира» или «Совсем как в „Постороннем“». Это очень привлекательная интонация, и именно из-за нее небудительные и

даже банальные места, которые в этом романе имеются, кажутся не причиной, чтобы раздраженно отложить его в сторону, а лишь предлогом для обдумывания возражений. Вот мне, например, кажутся довольно наивными некоторые из столь важных и для этой книги, и, со всей очевидностью, для ее автора рассуждений о «Макбете». И конец книги — предопределенный этими рассуждениями и особенно пассажем о том, что «Макбет прежде всего времяборец! Он ищет не власти, а вечности!.. Макбет обретает силы для прорыва в вечное настоящее» — кажется разочаровывающим. Герой романа тоже «выпрыгивает из времени». Вернее, не из времени, а из современности, причем самым традиционным отечественным интеллигентским способом. Он уезжает из города в деревню.

Тут даже хочется сказать автору, что это как-то слабо, что это сдача позиций. А еще хочется — узнать, что он ответит.

М.: Эксмо, 2008